

«Тупой социализм»

Иммигрируют чаще всего по двум причинам: в поисках лучшей жизни (благополучие, за длинным рублем) или по политическим мотивам. Хотя по жизненным стандартам моего окружения я жил, как сейчас сказали бы, за чертой бедности, проблемы личного благополучия меня никогда не интересовали. Поэтому мой “уезд” скорее определялся политическими мотивами. Причем, в отличие от настоящих политических эмигрантов, которые были вынуждены иммигрировать из-за столкновения с системой в лице КГБ, я с системой ладил, точнее, не конфликтовал. Наоборот, социализм я любил, т.к. благодаря ему я смог выбраться из провинции, из беднейшей семьи, в столицу, работая в таких престижных научных организациях, как ИДВ, затем ИМЭМО, затем Институт общественных наук при ЦК КПСС (ИОН).

Вместе с тем меня постоянно раздражали “отклонения” от социализма: сверхлегкое трудоустройство детей академиков, работников ЦК, МИД и других аналогичных заведений, с которыми я впервые столкнулся в ИМЭМО. В особенности же с социализмом меня рассорил ИОН, когда я впервые воочию столкнулся с теми самыми цеховскими привилегиями, о которых до этого только слышал. Все эти, на первый взгляд, хорошие люди из номенклатурной элиты никакого отношения к “народу” не имели, точно также как и к “социализму”, у которого они-де были на службе. Хотя в то время я не был политизированным человеком (занимался преподаванием и наукой), однако раздражение социализмом усиливалось из-за беспросветной тупости гос. деятелей, из-за которых, как мне тогда казалось, у нас и сложился “тупой социализм”. Не лучше были и руководители науки, по крайней мере, в области общественных дисциплин. Деятели не могли сочинить даже собственных речей, а академиками становились люди, не открывшие ни одной закономерности (не говоря уже о законах) в своих областях. Публикации книг и статей определяли чиновники, не отличавшие ВВП от ВВП, интеграцию от интернационализации, а защита докторских диссертаций зависела от “договоренностей” с директором института и хороших отношений с его командой.

Такой “тупой социализм” стал превращать меня в активного сторонника капитализма, который производил приятное впечатление во время многих поездок “за бугор” на международные конференции или в командировки по “научной линии”. Главное, что привлекало меня в капитализме - это свобода творчества и публикаций, особенно после того, как одна моя книга мурыжилась в издательстве Восточной литературы около пяти лет, прежде чем вышла в свет. И вот волею случая (сын женился на

канадке и мы с женой с ним “объединились”) я попал, как уверяет ооновская статистика, в самый лучший капитализм на Западе - в Канаду.

Капитализм: buy cheap, sell dear

Для начала два слова о реакции на мое возвращение. Почему-то некоторых моих знакомых оно привело в дикое раздражение. Один “левый” журналист, когда-то работавший в Канаде, никак не мог уложить в голову, что можно вернуться из того “рая” в российский бардак. У меня сложилось впечатление, что он с удовольствием прекратил бы борьбу с “режимом” и укатил бы в Канаду, если бы подвернулся случай. Другой знакомый, заметный представитель в левых кругах, как-то обрушился на меня (после критической статьи против него), возопив, что пока я там, в канадах, как сыр в масле катался, он здесь боролся с режимом. А я еще смею его критиковать. Однако в конечном счете всех раздраженных успокоила мысль, что вернулся я потому, что там оказался неудачником.

На самом деле все не так просто. Удачник ты или неудачник в иммиграции - зависит от того, какие цели ставишь в жизни. Если цель заключается в том, чтобы “нормально жить”, а в понимании обывателя это означает иметь квартиру, машину и приличную одежду и еду, то с этих точек зрения проблем в Канаде нет. Даже без работы, “сев на вэлфер” (т.е. на полное социальное обеспечения государства), ты все это имеешь бесплатно. Такая “халява” отличает Канаду от США, где все эти социальные гарантии надо заслужить. Поэтому-то многие рвутся именно в Канаду. (Детали канадской жизни мы с женой описали в книжке “Иммиграция в Северную Америку. Советы русских канадцев”, которую каждый желающий может купить в книжном магазине на Новом Арбате.)

Если же целью твоей жизни является творчество, тогда действительно начинаются проблемы, прежде всего для русского человека. Дело в том, что очень многим в России кажется, что мы похожи на американцев и тем более на канадцев. На самом деле мы отличаемся от них больше, чем, скажем, японцы от китайцев. Раньше, как истый марксист-ленинец, я не придавал значения культурно-национальным отличиям между нациями. Думалось, что все мы близнецы-братья, а различия могут быть чисто классовые: богатые – бедные. Это, как говорится, имеет место быть, но в меньшей степени важны и национальные несхожести. Живя в СССР, я никогда не задумывался, кто я по национальности (по матери - русский, по отцу – татарин), но как только я

ступил на канадскую почву, сразу же обнаружил, что я русский до мозга костей. О чем мне поведала и памятка для иммигрантов из России. Среди множества пунктов запали такие: помните, что у нас в Канаде дети не помогают родителям, родители детям; младшие не уступают место старшим; если ваш друг попросил у вас денег в займы, извинитесь и вложите эти деньги в свое дело и т.д. В тот момент я не очень придавал им значение. Однако позже эти абстрактные рекомендации я множество раз наблюдал в жизни, в том числе и в отношениях моей золовки–канадки со своими богатыми родителями.

С удивлением я также обнаружил, что канадцы, также как и русские, не выполняют своих обещаний, хотя форма невыполнения обставлена более искусно, чем у нас. Простые дружеские отношения между людьми практически исключены, если взаимоотношения не построены на “взаимной нужности” в бизнесе или в любом деле.

Проникнуть в чисто канадское общество в принципе нетрудно, если ты усвоишь, во-первых, язык, желательно без иностранного акцента, во-вторых, адаптируешь их тип поведения и мышления, которые зиждутся всего лишь на одном фундаменте, точнее на четырех словах: buy cheap, sell dear (купи дешевле, продай дороже). Первые два года я посвятил себя изучению именно этого фундамента, перечитав массу книг начиная с колыбельных песен, сказок и кончая их современными писателями. Правда, с последними я переборщил, поскольку сами канадцы в массе своей их не знают, не знают они и своей истории. Поначалу я собирался общаться только с канадцами, избегая контактов с русскими иммигрантами и вообще русскоязычными. Однако вскоре мне это надоело. Я обнаружил, что не могу часами вести беседу о хоккее или о восхождении на какую-нибудь гору (самые популярные темы для “разговора”). О политике, литературе, смысле жизни, не говоря уже о чужих странах, там не рассуждают, поскольку просто ничего об этом не знают, и самое главное не понимают, зачем об этом надо знать. Все они хорошие специалисты в своей области и постоянно думают только об одном, как сделать деньги, как выжить или приумножить свое благосостояние. 90% книг как раз и посвящено тому, как делать деньги и выжить в “джунглях” или “среди акул”. Меня в свое время потрясла книга Бенджамина Соррза “7 ступеней к свободе” - толстущая книга страниц на 700, в которой он на своем личном опыте описывал как стать миллионером. Когда он, наконец, через лет 20 стал им, он с радостью сообщает, что купил своей жене какие-то драгоценности, дом, автофургон, на котором объездил Америку. Меня это удивило, потому что я, не будучи миллионером, без всяких усилий объездил весь Союз (через общества “Знания”) и мог бы поиметь хоть дом, хоть дачу множества раз, если бы только захотел. И без всех тех

потрясений, которые описал Б. Сорез. Конечно, я понимал, что это капитализм, но я не думал, что он столь мощно превращает всех людей в винтики этой рыночной системы. Мне как исконно русскому человеку все это было чуждо. Но как я уже говорил, уезжал я в Канаду не за деньгами, а ради творческой свободы. И здесь я потерпел полное фиаско.

Свободен, но в рамках...

К своему сверхудивлению я столкнулся с жесткой цензурой. Я начал писать статьи об экономике России со всеми ее проблемами постперестроечного периода. Мои статьи вежливо возвращали с припиской, что они “не в плане”. В США отклонили мою рукопись (“Русские: обреченные на надежду”), несмотря на предварительную договоренность с издательством. К ней присовокупили рецензию “черного оппонента” с кучей рекомендаций, как переделать рукопись, из которых я понял, что она не достаточно критична в отношении социалистического строя в СССР. Заодно порекомендовали убрать мои размышления о канадской действительности. Для проверки своих догадок я написал статью о российской экономике, в которой мельком упомянув о “трудностях” внедрения рыночной экономики, выразил исторический оптимизм в ее неизбежной победе над “тоталитарном” мышлении большинства российских граждан. Статья была тут же опубликована в одном экономическом журнале Ванкувера.

Механизм цензуры мне стал понятен, когда меня самого в качестве “черного оппонента” попросили отрецензировать одну статью, предварительно прислав двухстраничный текст требований к рукописи. Я мог выбрать любой из пунктов, например, плохой английский язык, чтобы ее отвергнуть. Основная же причина, из-за которой рукопись будет обязательная отклонена, это “посягательство” на рыночную экономику вообще и американскую демократию в частности. Критиковать можно все что угодно, кроме этих двух “фундаментальных ценностей”. Нельзя также критиковать какого-либо зарубежного деятеля, с которым США находятся в дружбе. К примеру, все мои критические статьи в адрес Горбачева и Ельцина, а также Козырева были зарублены не только в США и в Канаде, но даже и в Южной Корее. Конечно, формально я могу на свои деньги издать все что угодно, не попадающее под статьи УК. Но я не смогу распространить свои писания без рекламы, которая уже будет стоять на “страже”. А имея в виду, что американцы или канадцы ничего читать, не

прорекламированное на ТВ или в спецбуклетах, не будут, то этот вариант цензуры самый действенный в условиях рынка и демократии.

Не сложились у меня отношения и с канадскими учеными, особенно со специалистами по России. Они в отличие от меня проявляли большой оптимизм в усвоении россиянами западных, т.е. американских ценностей, которые им кажутся единственно "ценными". Причем, как и большинство других ученых, все они являются специалистами по "волоскам в правой ноздре", т.е. знают какой-то кусок российской действительности, причем в основном по англоязычной прессе, т.к. почти никто не знает русского языка. (Можете представить, чтобы наш американовед не знал английского языка?) Узкая специализация и профессионализм - это и слабое и сильное место североамериканской действительности. Профессионалы высочайшего класса и в то же время абсолютная неграмотность во всех других областях. Последнее превращается в острую проблему общей культуры населения США. Не случайно Клинтон свое послание этого года посвятил уговорам американцев, чтобы они обращали внимание на грамотность и общую культуру (14% взрослых американцев не могут показать своей страны на карте, а очень большое количество не может ни читать ни писать после окончания средней школы). Это не означает, что среди североамериканских ученых нет культурных и широкообразованных людей. Они есть, но они исключение из общего правила. Именно поэтому русскому человеку, привыкшему философствовать на любую тему, трудно общаться с североамериканцем. Они просто скучны.

Взаимоотношения в мире науки, оказалось, также мало отличаются от того, что меня бесило в СССР. Та же клановость, тот же блат при поступлении на службу, та же не любовь к "слишком умным". Последнее особенно характерно для Канады, где преимущества при поступлении на работу в университет имеют: женщины, нацменьшинства, калеки или полубольные. Если же претендент обладает всеми тремя качествами сразу, то он, точнее она, вне конкуренции. Знания играют самую последнюю роль. И хотя на эту тему постоянно подтрунивают канадские журналисты, тем не менее дискриминационная практика в отношении "умных" торжествует. Не случайно наиболее одаренные канадцы делают карьеру за рубежом, а не у себя в стране (к примеру, известный американский экономист и дипломат Дж Гэлбрейт, который на самом деле канадец).

Повторяю, описанный тип мышления и поведения в принципе можно усвоить. Но большинство русских иммигрантов не в состоянии это сделать: слишком, видимо, он

расходится с устроением русского человека. Именно поэтому основная часть иммигрантов из России, являясь канадскими гражданами и даже устроившись там по стандартам обывателя, находятся за пределами канадского общества, составляют ее, так сказать, маргинальную часть.

Для того же, чтобы стать настоящим канадцем, надо полностью изжить из себя русского, прежде всего, такие наши качества как совесть и душу. Тогда все будет окэй. Единицам удастся это сделать. И тогда Россия превращается для них в объект делания денег и ничего больше.

В отличие от них я предпочел остаться русским, для которого все эти американско-канадские ценности не стоят выеденного яйца. Главная и единственная для меня ценность – это Россия, куда мы с женой и решили вернуться.

* * *

Уезжали мы в 1992 г., а вернулись в ... 1912 год. Да, мы приехали в капиталистическую Россию с теми же проблемами, которые были до революции. Забастовки, нищета, в экономике - иностранный капитал, власть - в прострации. Московская интеллигенция косит под американцев, язык, особенно журналистов ТВ и радио, напоминает русский с брайтон бича, имитация пошлого и поганого из западной культуры. Взаимосвязи, также как и там, строятся на "деньгах". Стоило ли возвращаться? - Стоило. Побывав в провинции, я обнаружил, что Россия остается Россией, русские - русскими. Иваны не превратились в джонов, степаны в гансов. Капитализм с его принципом: купи дешевле, продай дороже в России явно не проходит. Здесь еще сохранились человеческие отношения. Здесь кипят нешуточные страсти, ярость и любовь. За свою отчизну и, как водится, за все человечество. Там, на Западе - делают деньги, здесь в России - опять делают историю. И этим она интересна.

Олег Арин

Опубликовано в "VIP", № 10 (37), 1998.